



# ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

основан в 1818 г.

107031 (РФ, СНГ), 107996 (международный), г. Москва, ул. Рождественка, 12, тел.: (495) 621-18-84, (495) 625-64-61, факс: (495) 623-19-09  
www.ivran.ru, inf@ivran.ru, acadsecretary@ivran.ru  
ИНН: 7702028909, КПП: 770201001, ОГРН: 1037739314084

№ \_\_\_\_\_

На № \_\_\_\_\_

## ОТЗЫВ

на диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Владислава Владиславовича Круглова

на тему

«Терминология древнекитайского трактата Сицы чжуань («Повествование привязанных слов») и её проекция на фразеологию современного политического дискурса

Представленная к защите работа уже известного, несмотря на молодость, автора, тем более написанная, как указано, под руководством Артемия Михайловича Карапетьянца, не могла не привлечь нашего внимания уже поставленной задачей. Нечасто в рамках одной работы, тем более филологической, одновременно анализируются тексты с почти противоположных концов долгой письменной истории китайского языка.

По ближайшем рассмотрении оказалось, что, увы, как кажется, решение этой непростой задачи автору не вполне удалось. Попробуем отметить основные проблемы в рамках максимально краткого обзора.

Работа невелика – менее 200 страниц. Изучению «Си цы чжуань» посвящено около 50 страниц, и неудивительно, что многого на этом объеме сделать не удалось – тем более памятник никак нельзя отнести к малоизученным, существует несколько переводов только на русский язык. Фактически исследовательская работа автора ограничилась подсчётами упоминаемости в тексте памятника ряда терминов (вернее, пар терминов) – что довольно скромно, тем более что сам список терминов не предложен автором самостоятельно, а взят из семантического списка А.И. Кобзева (хотя в работе многократно упоминаются несколько семантических списков, которые якобы были использованы автором – следов этого использования нам найти не удалось; отметим, кстати, что в ссылке на список А.И. Кобзева год издания отмечен как 2011 – притом, что соответствующий том («Философия») энциклопедии «Духовная культура Китая» вышел в 2006 г., а последний – шестой (хотя автор в списке литературы характеризует

энциклопедию как пятитомную) – в 2010 г.). Более того, выводы, к которым приходит автор в рамках этой операции, не вполне ясны, а призванный, видимо, проиллюстрировать метод, подробный анализ пары «земля-небо» производит крайне странное впечатление реферативности внезапным и ненужным использованием транскрипции Уэйда-Джайлса (что автор зачем-то несколько раз подчеркивает), а также опорой на данные словаря «Шо взнь», которые, конечно, ценны – но отстоят от начал использования обоих знаков примерно на столько же, на сколько составление этого словаря отстоит от нас. Такой анализ годился бы для китайского студента-первокурсника (не лингвиста и не филолога, конечно) – но выглядит странно в работе ученика Артемия Михайловича.

В остальном эта часть работы, кажется, состоит из довольно хорошо известных (и в основном действительно разумных) данных.

Гораздо подробнее – вторая часть, посвящённая анализу использования конструкций чэн-юй в речах китайских лидеров. Не будем сомневаться в том, что этот предмет исследования достоин внимания – хотя, конечно, странно не увидеть в списке литературы статьи В.М. Алексеева о важности изучения переводов на китайский язык трудов Ленина – кажется, случаи близки, хотя Василий Михайлович писал свою статью в «Правде», спасая свою жизнь – в данном же случае, надеюсь, до подобного драматизма далеко. Данная глава довольно подробно анализирует использование некоторых из этих специфических оборотов в речах Мао Цзэ-дуна, Дэн Сяо-пина и Си Цзинь-пина, однако, строго говоря, единственным выводом из главы становится вывод, что для правильного понимания современного китайского текста необходимо анализировать использующиеся в нём фразеологизмы – вывод абсолютно верный, но, кажется, не вполне новый. Автор не объясняет, почему именно «ицзинистические» чэн-юй выбраны им в качестве объекта исследования и чем они принципиально отличаются от иных чэн-юев – ведь их много, и, кажется, существуют памятники гораздо более «чэн-юеёмкие» – например, «36 стратагем», который состоит из крайне употребимых чэн-юев полностью. Подсчёты частотности использования оборотов у разных политиков не вполне показательны, поскольку не дана информация о количественном и жанров соотношении, даже о полноте использованных корпусов.

Нельзя не отметить и удивительное умолчание автора о, возможно, главном обстоятельстве, которое стоит учитывать, анализируя и сравнивая применение этих оборотов в «Си цы чжуани» и речах лидеров КПК – это различие языков, на которых написаны эти тексты – в первом случае перед нами древнекитайский, а во втором – путунхуа. Совершенно очевидно, что

в древнекитайском тексте древнекитайские обороты будут вести себя (и должны быть анализированы) иначе, нежели оные в иноязычном окружении, в котором они неизбежно превращаются в нерасчленимые фразеологические обороты, чьё значение часто довольно мало коррелирует с языковой информацией, содержащейся в знаковых последовательностях. Кажется, про это хотя бы стоило сказать – не говоря уж о том, чтобы применить эти соображения при анализе. В итоге же создаётся впечатление, что значение и правила работы рассматриваемых конструкций в «Си цы чжуани» и речах китайских политиков примерно одинаковы – это обескураживает. Такой подход, опять-таки, иногда можно встретить в китайских публикациях (не особенно научного свойства) – но здесь встретить его было странно.

Необходимо указать и на то, что работа лишена обзора источников и историографии – некоторые (но далеко не все) недостатки этого выбора мы уже указали выше – в частности, читателю может быть не вполне очевидна степень разработанности исследуемых сюжетов и состояние источниковой базы (можно ли писать работу по древнему тексту, ни словом не обмолвившись о его текстологии, тем более учитывая некоторые недавние находки китайских археологов?).

Не лишена работа и досадных ошибок- например знак *сянь* 賢 на протяжении всего текста транскрибирован как *шэн*.

Без сомнения, представленная к защите работа демонстрирует базовые компетенции автора, но, как кажется, на несколько недостаточном уровне для кандидатской диссертации, тем более защищённой под руководством Артемия Михайловича. По всей вероятности, это следствие спешки или иных субъективных обстоятельств – но увы, мы анализируем именно текст, а не контекст.

Мне думается, что для присвоения учёной степени работа нуждается в доработке.

К.и.н., с.н.с. отдела Китая Института востоковедения РАН,

С.В. Дмитриев

16.05.2022

